УДК 821.161.1-1(Ахматова А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-59-68.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ОТ ПРОРОЧЕСТВА К «ТРАГИЧЕСКОЙ ЧАСТУШКЕ»: СКРЫТОЕ ПРИСУТСТВИЕ ИСАЙИ БЕРЛИНА В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» И «ПЕСЕНКАХ» АННЫ АХМАТОВОЙ

Кихней Л. Г.
Московский университет им. А. С. Грибоедова (Москва, Российская Федерация)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0342-7125
SPIN-код: 3393-0651

Аннотация. Статья посвящена реконструкции скрытого присутствия Исайи Берлина в «Поэме без героя» и связанных с ней «песенках» Анны Ахматовой. Цель исследования – выявить механизм превращения биографического события в поэтический сюжет, проходящий через последовательные временные, жанровые и контекстуальные трансформации. Методологическую основу составляют структурно-типологический, культурно-исторический и текстологический методы; используются также структурно-семантический, интертекстуальный, контекстуально-биографический и жанровый анализ. Показано, что «Третье и последнее» посвящение, авторски датированное 5 января 1956 г., ретроспективно актуализирует гадательную семантику первой главы и позволяет прочитать образ «Гостя из будущего» как фигуру сбывшегося, но первоначально неверно истолкованного пророчества. Редакционная история «Поэмы без героя» обнаруживает временную триаду: будущее время посвящения, настоящее зеркального видения и завершенное прошлое «песенки» «За тебя я заплатила чистоганом…». Особое значение приобретает вариативная датировка этой «песенки» 1955/1956 гг.: 1956 г. совпадает с завершением названного в тексте десятилетия, новым приездом Берлина в СССР и несостоявшейся встречей с Ахматовой. Сопоставление стихотворения с заменившей его в рукописи «седьмого» сборника «Бег времени» другой «песенкой» «А ведь мы с тобой не любилися…» позволяет рассматривать авторскую замену как способ одновременно сокрытия и обобщения биографического смысла. Соединение частушки-страдания, балладной модели и лагерно-каторжной стилизации формирует жанровую модель «трагической частушки», в которой любовная коллизия преобразуется в обобщенную модель неравенства жизненных судеб. Научная новизна исследования заключается в реконструкции логики формирования «берлинского» сюжета «Поэмы без героя»: позднее биографическое событие ретроспективно встраивается в уже сложившийся гадательный сценарий и осмысляется как сбывшееся пророчество. Прослежено, как в ходе дальнейших текстовых и жанровых трансформаций частный биографический сюжет обретает архетипическое измерение.

Ключевые слова: русская поэзия; русские поэтессы; поэтическое творчество; поэтические жанры; поэтические сюжеты; поэтические тексты; А. Ахматова, И. Берлин; английские философы; текстогенез; паратекст; святочное гадание; авторское редактирование; биографический подтекст; трагическая частушка

Для цитирования: Кихней, Л. Г. От пророчества к «трагической частушке»: скрытое присутствие Исайи Берлина в «Поэме без Героя» и «песенках» Анны Ахматовой / Л. Г. Кихней // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 59–68. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-59-68.

FROM PROPHECY TO THE “TRAGIC CHASTUSHKA”: THE IMPLICIT PRESENCE OF ISAIAH BERLIN IN ANNA AKHMATOVA’S “POEM WITHOUT A HERO” AND “SONGS”

Lyubov G. Kikhney
A. S. Griboedov Moscow University (Moscow, Russian Federation)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0342-7125

Abstract. The article reconstructs the implicit presence of Isaiah Berlin in Anna Akhmatova’s “Poem without a Hero” and the related “Songs.” Its aim is to reveal the mechanism of metamorphosis of a biographical event into a poetic plot that passes through successive temporal, genre, and contextual transformations. The methodological framework combines structural-typological, cultural-historical, and textological methods with structural-semantic, intertextual, contextual-biographical, and genre analysis. The study demonstrates that the “Third and Last” dedication, bearing the authorial date January 5, 1956 retrospectively actualizes the divinatory semantics of the poem’s first chapter and allows the “Guest from the Future” to be interpreted as a figure of fulfilled yet initially misread prophecy. The textual history of “Poem without a Hero” reveals a temporal triad: the future tense of the dedication, the present of the mirror vision, and the completed past of the “song” beginning with “*For you I paid in hard cash…*”. Particular significance is attached to the variant dating of this poem to 1955/1956: 1956 coincides with the end of the ten-year interval specified in the text, Berlin’s return to the Soviet Union, and his meeting with Akhmatova that did not take place during that visit. A comparison of the poem with another “song” “Yet you and I were never lovers…” that later replaced it in the manuscript collection *The Flight of Time*, makes it possible to interpret this authorial substitution as both concealing and generalizing a possible biographical subtext. The combination of the *chastushka-stradanie* tradition, a ballad model, and camp-prison stylization produces the genre model of the “tragic chastushka,” in which a love-related poetic conflict is transformed into a generalized model of unequal life circumstances. The scientific novelty of the study lies in reconstructing the logic of the formation of the “Berlin” plot of the “Poem without a Hero”: a later biographical event is retrospectively inscribed into an already established divinatory scenario and comes to be perceived as a fulfilled prophecy. The article also traces how a personal biographical plot acquires an archetypal poetic turn in the course of subsequent text and genre transformations.

© Кихней Л. Г., 2026

Keywords: Russian poetry; Russian women-poets; poetic creative activity; poetic genres; poetic plots; poetic texts; A. Akhmatova; I. Berlin; English philosophers; text genesis; paratext; yuletide divination; authorial editing; biographical subtext; tragic chastushka

For citation: Kikhney, L. G. (2026). From Prophecy to the "Tragic Chastushka": The Implicit Presence of Isaiah Berlin in Anna Akhmatova's "Poem Without a Hero" and "Songs". In *Philological Class*. Vol. 31. No. 3, pp. 59–68. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-3-59-68.

Введение

Исайя Берлин давно входит в биографический и комментаторский контекст «Поэмы без героя»: с ним соотносится фигура «Гостя из будущего», а встречи с Ахматовой в 1945–1946 гг. неоднократно становились предметом мемуарных свидетельств и исследовательских реконструкций [Берлин 2005: 514–538; Копылов, Позднякова, Попова 2013; Чуковская 2013: 235–239; Тименчик 2005: 33–35, 141–142]. Однако поэтика присутствия Берлина в ахматовском тексте изучена значительно меньше, чем биографическая сторона этого сюжета. Особый интерес представляет процесс включения позднего биографического события в первоначальный текст Поэмы, изменяющий семантику ранее созданных фрагментов. Этот процесс рассматривается в контексте исследований текстогенеза и интертекстуальной организации произведения [Крайнева 2009; Кихней 2024].

Ключевое значение приобретает «Третье и последнее» посвящение, авторски датированное 5 января 1956 г. Его календарная и ритуальная семантика позволяет ретроспективно прочитать появление «Гостя из будущего» как сбывшееся пророчество. Такая интерпретация опирается на ранее выявленную связь первой главы со святочным гаданием на зеркале [Кихней 1996] и уточняется с учетом редакционной истории «берлинских» строф.

Другой аспект исследования связан с «Песенкой» «За тебя я заплатила чистоганом…», позднее включенной в «Эпилог» Поэмы. Вариативность ее датировки 1955/1956 гг., формула «ровно десять лет», авторское обозначение «Любовная» и контекст 1956 г. позволяют предположить связь стихотворения с переживанием Ахматовой истории отношений с Берлином. Особое значение имеет последующая замена этого текста другой «Любовной» – «А ведь мы с тобой не любилися…». Сопоставление двух стихотворений позволяет выявить механизм преобразования любовной коллизии в обобщенную модель неравенства жизненных судеб.

Цель статьи – реконструировать динамику скрытого присутствия Берлина в «Поэме без героя» и связанных с ней «песенках», выявив механизмы преобразования биографического события в поэтический сюжет. Материал исследования составляют редакции Поэмы, авторские «песенки», записные книжки Ахматовой, мемуарные и текстологические источники. Используются текстологический, культурно-исторический, структурно-семантический, интертекстуальный и жанровый методы анализа.

Научная новизна состоит в реконструкции механизма ретроспективного включения встречи с Берлином в гадательный сценарий Поэмы, выдвижении гипотезы об имплицитной адресации Исайе Берлину стихотворения «За тебя я заплатила чистоганом…» и сопоставлении двух авторских «Любовных» как последовательных форм жанрового и смыслового преобразования биографического подтекста.

«Третье и последнее»: календарь сбывшегося гадания

Исследование берлинского слоя «Поэмы без героя» целесообразно начать с позднего «Третьего и последнего» посвящения, которое ретроспективно раскрывает ритуальный сценарий появления «Гостя из будущего». Позднейший паратекст становится герменевтическим ключом к ранее созданному тексту. Такой подход соотносится с исследованиями рамочных элементов и их смыслообразующей функции [Автономова 2024; Кихней, Ламзина 2020; Кихней, Ламзина 2025; Ламзина 2025].

В отличие от первых двух посвящений, «Третье и последнее» лишено посвятительного индекса: имя или инициалы адресата не названы. Адресация восстанавливается по совокупности биографических и текстовых признаков – Фонтанному Дому, новогоднему вину, «Крещенскому вечеру», предсказанной «погибели», перекличкам с образом «Гостя из будущего». Берлин входит в Поэму не как названное историческое лицо, а как фигура, которую требуется узнать по оставленным в тексте следам.

Для нашего анализа особое значение имеет хронология встреч Ахматовой и Берлина. Первая состоялась в середине ноября 1945 г. и продолжилась многочасовой ночной беседой. По подсчетам И. Копылова, Т. Поздняковой и Н. Поповой, Берлин посетил Ахматову пять раз. Последний, прощальный визит состоялся 5 января 1946 г. В этот день Ахматова подарила Берлину сборник «Из шести книг», вписав в него стихотворение «Истлевают звуки в эфире…», позднее вошедшее в цикл «Cinque» [Берлин 2005: 526; Копылов, Позднякова, Попова 2013: 56–58, 63].

Ровно через десять лет, 5 января 1956 г., было датировано «Третье и последнее». Совпадение едва ли случайно: дата посвящения воспроизводит дату прощального визита, превращая его годовщину в поэтическое событие. Французский подзаголовок *Le jour des rois* отсылает к западному празднику Богоявления – Дню царей, или волхвов, отмечаемому 6 января. В «Примечаниях редактора» Ахматова сама пояснила календарную семантику: «канун Крещения: 5 января» [Ахматова 2009: 897]. Подзаголовок, эпиграф из «Светланы» Жуковского – «Раз в крещенский вечерок…», строка «И запомнит Крещенский вечер» и авторская дата образуют систему взаимосвязанных сигналов, указывающих на ритуальное время гадания.

Календарная точность сопровождается парадоксальной грамматикой. Событие десятилетней давности изображается преимущественно в будущем времени: человек «войдет», «не станет» милым мужем; «мы с ним такое заслужим», что «смутится Двадцатый Век»; он «опоздает» во дворец Фонтанный, «запомнит» Крещенский вечер и «погибель мне принесет». Авторски датированное 1956 г. посвящение перемещает говорящую в точку, из которой встреча 1945–1946 гг. еще только предстоит, – в новогоднюю ночь 1940 г., исходную ситуацию первой главы Поэмы. Уже совершившееся событие возвращается в пространство гадания и разыгрывается как предсказание.

Таким образом, «Третье и последнее», сохраняя статус посвящения, одновременно строится как гадательный текст. Его центральная коллизия определяется ошибкой узнавания: «Я его приняла случайно / За того, кто дарован тайной, / С кем горчайшее суждено» [Ахматова 2009: 873]. Явившийся образ принят за обещание любовной судьбы. Однако брачный сценарий последовательно отвергается: «Он не станет мне милым мужем», гость приносит «не первую ветвь сирени», «не кольцо», «не сладость молений». Любовно-венчальная символика, поддержанная «венчальными свечами», получает трагическое разрешение: «Он погибель мне принесет». Предсказание обручения оборачивается предсказанием катастрофы.

Дополнительный смысл приобретает и подзаголовок *Le jour des rois*. Его первичное значение остается календарно-ритуальным, однако множественное число *des rois* неожиданно соотносится с парным субъектом «мы с ним»: «...но мы с ним такое заслужим, / Что смутится Двадцатый Век» [Ахматова 2009: 873]. Ахматова не называет себя и Берлина царями, но соположение подзаголовка и стихотворной строки допускает вторичную автомифологическую интерпретацию: День царей становится также «их днем» – годовщиной встречи, которой приписывается всемирно-историческое значение.

Этот смысл поддержан ахматовской мифологией начала холодной войны. По воспоминаниям Берлина, при встрече в Оксфорде в 1965 г. Ахматова связывала вызванную их знакомством ярость Сталина не только с идеологической кампанией против нее, но и с началом противостояния СССР и Запада. Берлин считал такую оценку преувеличением, однако не стал спорить с Ахматовой, воспринимавшей себя как Кассандру и участницу всемирно-исторической драмы [Берлин 2005: 529].

Историческая причинность постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», разумеется, значительно сложнее: кампания 1946 г. определялась общим послевоенным идеологическим ужесточением, внутрипартийной борьбой и ранее собранными материалами наблюдения. Вместе с тем визиты Берлина фигурировали в агентурном деле Ахматовой и использовались как компрометирующий эпизод. Следовательно, необходимо различать историческую причинность и авторскую мифологизацию: встреча не положила начало холодной войне в фактическом смысле, но в сознании Ахматовой стала ее символическим истоком, событием, сопрягшим частную судьбу с судьбой века.

Эта сопряженность выражена глаголом «заслужим». Конструкция «мы с ним» объединяет участников встречи, а сказуемое «смутится» переносит ее последствия на «Двадцатый Век». В автомифологической перспективе «погибель», принесенная гостем, разрастается от образа гражданской казни Ахматовой до символа исторической катастрофы.

С образом евангельских волхвов связан и мотив дара, трагически перевернутый в финале посвящения. Цари приходят с дарами, тогда как гость Ахматовой приносит не кольцо и не исполнение молений, а погибель. Праздник даров становится годовщиной расплаты, а предназначенный судьбой человек – вестником несчастья. Гадательный знак был истолкован ошибочно, но само предсказание сбылось.

Существенна еще одна хронологическая мистификация. По предположению Н. И. Крайневой, «Третье и последнее» было написано, скорее всего, в 1960 г. [Ахматова 2009: 363–364]. Однако Ахматова датирует его 5 января 1956 г. – временем, предшествующим новому приезду Берлина, их несостоявшейся встрече и его женитьбе. Тем самым формула «Он не станет мне милым мужем» помещается перед событиями, которые могли определить ее содержание. Фактическая хронология инвертируется: текст, созданный после событий 1956 г., авторской датировкой переносится в прошлое, создавая впечатление, будто жизнь лишь осуществляет уже заданный поэзией сценарий.

Таким образом, «Третье и последнее» можно рассматривать как календарь сбывшегося гадания. Авторская датировка, грамматика будущего времени и ритуальная символика превращают воспоминание о встрече в пророчество, а позднейшее посвящение становится ключом к ретроспективному прочтению «Гостя из будущего» и первой части Поэмы.

Двойной ответ зеркала: мертвый жених и «Гость из будущего»

В одной из наших ранних работ было показано, что начало первой части «Поэмы без героя» строится как поэтическая имитация святочного гадания на зеркале, определяющего пространственную и временную организацию произведения [Кихней 1996]. Не воспроизводя приведенную там систему доказательств, обратим внимание на другое: гадательный код служит не только ключом к интерпретации Поэмы, но и механизмом ее творческого разрастания. Открытая ритуальная матрица позволила Ахматовой после встречи 1945 г. ввести в уже существовавшую сцену образ Берлина, представив биографически позднее событие как предсказанное в новогоднюю ночь 1940-го.

Начальная сцена первой главы сохраняет принципиальную амбивалентность: ожидание обычного гостя постепенно обрастает признаками обряда. Действие происходит 31 декабря, в Васильев ве-

чер – одну из традиционных дат святочных гаданий. Героиня зажигает «заветные свечи», ставит вино, ждет полуночного боя часов и обращается к тому, кто не пришел. Утонувшее в хрустале пламя, внезапный звонок, «холод влажный» и почти заклинательное восклицание «Господняя сила с нами!» переводят бытовую ситуацию в ритуально-мистический план. Приготовленный ужин становится частью магического вызова.

На этот подтекст указывает эпиграф «С Татьяной нам не ворожить…», соединяющий первую главу с пятой главой «Евгения Онегина» и через нее – со «Светланой» Жуковского. В традиционном гадании девушка садилась в полночь перед зеркалом со свечами и прибором для ожидаемого суженого. В балладе Жуковского обряд вызывает не живого жениха, а его пугающий потусторонний образ. Ахматовская сцена сохраняет основные элементы ритуального сценария: свечи, зеркало, ночное ожидание, приготовленный ужин, страх и вторжение мертвых.

Особенно существенна двузначность слова «ряженый». В формуле «суженый-ряженый» оно обозначает предназначенного судьбой жениха, тогда как в святочном обиходе ряжеными называются переодетые участники маскарада. Знакомство Ахматовой с заклинательной формулой подтверждает стихотворение «Заклинание» (1936), завершающееся ее инверсией: «Незваный, / Несуженый, – / Приди ко мне ужинать» [Ахматова 2000: 220]. В Поэме двусмысленность реализуется сюжетно: вместо суженого к героине приходят ряженые – «тени тринадцатого года». Словесное двоение порождает подмену адресата магического вызова.

Авторская ремарка формулирует эту подмену буквально: «К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых» [Ахматова 2009: 875]. Ей соответствует недоумение героини: «Не для них здесь готовился ужин» [Там же: 876]. Призрачный маскарад оказывается ошибочным ответом на обращенный к будущему зов: вызван тот, кто предназначен, но приходят те, кого не ждали.

В ранних редакциях гадательная семантика остается потенциальной. «Третье и последнее» посвящение Ахматова включает в состав пятой редакции (1956) [Ахматова 2009: 301], хотя, согласно мемуарным и комментаторским свидетельствам, оно было создано в 1960 г. [Чуковская 2013: 441; Ахматова 2009: 364, комментарий Н. И. Крайневой]. Автор ретроспективно отодвигает время его создания, объединяя разновременные эпизоды в единый сюжет.

Эпиграф «Раз в Крещенский вечерок», дата «Le jour des rois / 1956», венчальные свечи и признание «Я его приняла случайно / за того, кто дарован тайной» [Ахматова 2009: 301] делают явным прежде лишь намеченный ритуальный сценарий. Ожидание гостя прочитывается как гадание на суженого, а *«его»* появление – как ошибочно истолкованный ответ будущего.

Особую доказательность этой интерпретации сообщает редакционная история строф третьего посвящения. В составе третьей редакции, датируемой 1944 г., они находятся на обороте листа 8 и позднее прикрепленном листе 8а. Материальный состав рукописи не позволяет относить вставки ко времени создания основного текста: первая строфа записана на свободном месте, вторая помещена на вклейке и, по наблюдению Н. И. Крайневой, вписана рукой В. С. Рыбаковой. По-видимому, перед нами разновременное наращение ранее существовавшей редакции, отражающее события конца 1945 – начала 1946 гг. [Крайнева 2009]. *Дата редакции, таким образом, не совпадает с датой поздней вставки.*

Первая строфа содержит узнаваемый комплекс примет: «Звук шагов, тех, которых нету», сигарный дым и человека, отразившегося «во всех зеркалах», хотя он еще «не появился» и войти в зал не мог. Реальная биографическая деталь – сигары Берлина – переносится в ирреальное пространство зеркального зала, обозначая присутствие отсутствующего человека. Его еще нет в сюжетном времени Поэмы, но дым уже свидетельствует о невидимом приближении.

Вторая строфа отличает нового персонажа от маскарадных мертвецов: от него «не веет Летейской стужей», а в руке сохраняется теплота. Это единственный живой среди теней, однако его появление возможно лишь посредством отражения. Парадоксальный статус персонажа выражен именем «Гость из будущего»: он является не из царства мертвых, а из времени, еще не наступившего для героини. Зеркало показывает человека раньше его прихода.

Первоначальное окончание строфы – «Не пройдут и четыре недели, / Мне подарит его темнота» [Ахматова 2009: 236] – обнаруживает прогностическую природу сцены, хотя смысл названного срока остается неясным. Позднее, в пятой редакции (1956), Ахматова заменяет эти строки топографически точным вариантом: «Он [придет ко мне] [войдет сюда] в самом деле, / Повернув налево с моста» [Там же: 305]. Реальная траектория движения Берлина к Фонтанному Дому включается в гадательный текст как подтверждение исполненного предсказания. Формула «в самом деле» соединяет зеркальное видение с биографической действительностью.

Не менее важна композиционная позиция вставки. Начиная с четвертой редакции 1946 г., строфы о «Госте из будущего» следуют за полустрофой, выражающей центральный закон ахматовского времени: «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет…» [Крайнева 2009]. В новогодней ночи 1940 г. возникает человек из будущего; будущее же, входя в ранее написанный текст, перестраивает его прошлое.

Можно предположить, что окончательная формула взаимопроникновения времен была не только философским основанием вставки, но и результатом осознания произведенного ею эффекта. Документально установить причинную последовательность невозможно, однако редакционная конфигурация позволяет рассматривать формулу

времени и образ «Гостя» как единое композиционное целое.

Речь, разумеется, не идет о фактическом предвидении конкретного исторического лица в 1940 г. Поэтическое пророчество создается ретроспективно: позднее биографическое событие вводится в ранний текст как исполнение предсказания. *Ахматова изменяет прошлое Поэмы из будущего, осуществляя на уровне ее творческой истории закон, сформулированный в стихах.* Грядущее, однажды наступив, возвращается в прошедшее и обнаруживает там предназначенное для себя место.

При этом зеркало дает гадающей не один, а два ответа. Первый – живой «Гость из будущего», появляющийся во всех зеркалах прежде своего реального прихода. Второй возникает после исчезновения маскарада, когда героиню-автора оставляют «с глазу на глаз» в сумраке «с черной рамой, / Из которой глядит тот самый, / Ставший наигорчайшей драмой / И еще не оплаканный час» [Ахматова 2009: 878]. Сам текст не называет находящийся в раме предмет портретом. В контексте зеркального зала и святочного гадания черная рама может быть понята как рама потемневшего зеркала, из которого, подобно мертвому жениху в «Светлане», проступает трагическое прошлое.

Вслед за этим героиня слышит предсмертный шепот: «Я оставлю тебя живою, / Но ты будешь моей вдовою» [Ахматова 2009: 879], а затем видит бледного Призрака, преодолевающего «могильные плиты». Гадание переходит в балладный регистр: вызов суженого завершается явлением мертвеца. Однако мертвый жених и «Гость из будущего» не отождествляются. Один возвращается из трагического прошлого, другой приходит из еще не наступившего будущего. Их присутствие в едином зеркальном пространстве образно воплощает ахматовскую формулу времени.

Эта двойственность помогает понять ошибку, о которой говорится в «Третьем и последнем». Живой гость явлен в ритуальной позиции суженого, однако зеркало связывает любовное ожидание также с образом мертвого жениха и будущей катастрофой. Гадание сообщает истину в зашифрованной, двоящейся форме: предсказывает встречу, но не раскрывает ее смысла. Любовный знак воспринимается как обещание счастья, тогда как его последующее истолкование связано с погибелью.

Таким образом, строфы о «Госте из будущего» не являются автономным биографическим фрагментом, механически присоединенным к повествованию о 1913 г. Они включаются в ранее сложившуюся ритуально-зеркальную структуру и создают новое смысловое соотношение между двумя фигурами: мертвым женихом, принадлежащим трагическому прошлому, и живым гостем из будущего.

«Третье и последнее» посвящение осуществляет следующий этап переинтерпретации, придавая зеркальной образности гадательно-пророческое значение. Так формируется временной палимпсест: 1945–1946 гг. входят в новогоднюю ночь 1940-го, та открывает путь к тринадцатому году, а травматическое прошлое и биографическое будущее одновременно отражаются в зеркалах Фонтанного Дома.

«За тебя я заплатила»: «Любовная» «песенка» и контекстуальная переадресация

Если «Третье и последнее» представляет уже совершившуюся встречу как предсказанное будущее, а зеркальная сцена первой части показывает появление «Гостя» в настоящем гадания, то в «Эпилоге» тот же временной сюжет получает третью грамматическую форму – завершенное прошлое. Предсказание «Он погибель мне принесет» сменяется формулой исполненной расплаты: «За тебя я заплатила…», поэтому «песенка» завершает предполагаемую «берлинскую» временную линию, переводя ее из плана пророчества в план исторического итога.

В «Эпилоге» «песенка» следует за строфами о безымянном лагерном двойнике, отправляющемся на допрос и возвращающемся с него. Героиня слышит издалека «звуки голоса своего», после чего возникает восьмистишие:

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

[Ахматова 2009: 895. Курсив Ахматовой]

Авторское обозначение «песенка» контрастирует с содержанием, включающим мотивы расплаты, насилия и несвободы. По ритмико-интонационной организации текст тяготеет к частушке: относительно протяженные строки чередуются с короткими строками-ударами – «Чистоганом», «Под наганом», «Не глядела», «Шелестела». Разговорная лексика, синтаксический параллелизм и песенная ритмика создают эффект устной речи. Однако фольклорная интонация здесь соединяется с трагическим содержанием. Такую трансформированную Ахматовой жанровую модель можно определить как «трагическую частушку».

До включения в Поэму стихотворение существовало самостоятельно и занимало в рукописном комплексе книги «Бег времени. Седьмой сборник» (1963) две разные позиции. В разделе «Стихов из сожженной тетради» оно помещено без жанрового заглавия и датировано 1955 г. с указанием места: Красная Конница [Ахматова 2000: 416]. В разделе «Из цикла “Песенки”» то же восьмистишие обозначено как «III. Любовная» и датировано 1956 г. [Там же: 427–428]. Таким образом, вариативная авторская датировка 1955/1956 гг. сочетается с жанровой номинацией, существенной для возможной биографической интерпретации.

Особого внимания заслуживает 1956 г. Формула «ровно десять лет» в этом случае отсылает к 1946 г., когда встречи с Берлином вошли в политическую биографию Ахматовой как один из поводов последующей травли. В 1956 г. Берлин вновь прие-

хал в СССР, однако встреча с Ахматовой не состоялась. Таким образом, совпадают три хронологических ряда: один из вариантов авторской датировки, обозначенный стихотворением десятилетний интервал и биографическая ситуация отношений Ахматовой и Берлина. Это совпадение не доказывает предполагаемой адресации, но придает гипотезе дополнительную аргументацию.

При этом сосуществование дат 1955 и 1956 не следует разрешать выбором одной из них как безусловно правильной. Время первоначального возникновения стихотворения и его последующей смысловой актуализации могли не совпадать. Вариант 1955 г. не позволяет непосредственно связывать создание текста с событиями следующего года, тогда как датировка 1956 г. открывает возможность его прочтения в соответствующем биографическом контексте.

Опасаясь повторения политической катастрофы, Ахматова отказалась встретиться с Берлином во время его нового приезда; состоялся лишь телефонный разговор. По воспоминаниям Берлина, она спросила, женат ли он, уточнила время его женитьбы и, услышав ответ «в феврале этого года», долго молчала [Берлин 2005: 528]. Эта «таинственная невстреча», в которой личное переживание оказалось неотделимо от политического страха, могла способствовать новому осмыслению «Любовной». В таком контексте местоимение «тебя» получает возможного, хотя непосредственно не названного адресата.

Предположение об имплицитной адресации Берлину подкрепляется также перекличками с «Третьим и последним». В посвящении Гость «погибель мне принесет», в «Любовной» расплата получает временную меру – «ровно десять лет». Там отвергаются кольцо, брачный союз и «сладость молений»; здесь любовное обращение может быть соотнесено с известием о женитьбе предполагаемого адресата. Наконец, «худая слава» перекликается с публичной травлей Ахматовой после встреч 1945–1946 гг. Совокупность этих признаков позволяет рассматривать восьмистишие как возможное продолжение того же биографического сюжета, получившего иное жанровое выражение.

Особенно выразителен глагол «заплатила». Разговорное «чистоганом», означающее оплату сполна, превращает денежную идиому в экзистенциальную. Ценой оказываются десятилетие страха, общественная травля и вынужденное самоограничение – «ни налево, ни направо / не глядела». Мотив дара, организующий «Третье и последнее», приобретает трагическое продолжение: человек, принятый за «того, кто дарован тайной», становится тем, за кого приходится расплачиваться. Так праздничная семантика *Le jour des rois* получает инверсию: дар оборачивается расплатой.

Однако значение «Песенки» не исчерпывается возможной биографической адресацией. Включение в «Эпилог» производит ее контекстуальную переадресацию. В новом окружении «под наганом» становится почти буквальным обозначением вооруженной охраны, «ровно десять лет» напоминает лагерный срок, а запрет смотреть «налево» и «направо» передает регламентированность поведения несвободного человека. Возникает голос женщины, пережившей заключение. Документальный фон лагерной темы в поздней биографии Ахматовой раскрывают также материалы ее переписки и сведения о заключении Л. Н. Гумилева [Крайнева 2024].

Редакционная история позволяет проследить возникновение этой переадресации. В реконструированный Н. И. Крайневой текст пятой редакции (1956) включен полный фрагмент – от «А за проволокой колючей…» до «Шелестела» [Крайнева 2009; ср.: Меньщикова 2017: 96–97]. Однако принадлежность к реконструированной редакции не означает одновременного возникновения всех его частей. В списке «Харджиев 56», датированном 11 февраля 1958 г., вписана лишь первая строфа, завершающаяся строкой «Мой двойник на допрос идет». Дата списка позволяет предположительно отнести вписку к 1958 г., но не устанавливает точного времени ее появления [Крайнева 2009].

Полная последовательность впервые зафиксирована в Записной книжке № 9 (1961–1963) под заголовком «Из поэмы. Эпилог» [Ахматова 1996: 135]. Рядом со строкой «Звуки голоса своего» стоит помета «(Март)». По предположению Н. И. Крайневой, речь идет о марте 1961 г., когда могла возникнуть вторая строфа – «А потом он идет с допроса…» [Крайнева 2009]. Именно она создала переход к написанной ранее «Песенке»: голос автора, услышанный в речи двойника, получает затем женские грамматические формы – «заплатила», «ходила», «глядела».

Последовательность формирования фрагмента определяет его субъектную организацию. В первой строфе двойник обозначен как мужчина – «ставший», «он», «его». Во второй он сохраняет мужское местоимение, но говорит голосом автора: «И я слышу даже отсюда… / Звуки голоса своего». Наконец, «песенка» вводит женское «я». Другой оказывается двойником, двойник получает голос Ахматовой, а голос – ее грамматический род и биографическую память.

В результате мужская фигура лагерника, женский голос узницы и авторское «я» накладываются друг на друга, образуя субъектный палимпсест. Аналогичным образом в «Песенке» сосуществуют возможный любовно-биографический подтекст, историческое переживание последствий встреч с Берлином и лагерная семантика. Новая текстовая позиция не уничтожает прежних смыслов, но изменяет их соотношение.

Этот механизм можно определить как *контекстуальную аберрацию смысла*, понимая аберрацию не как ошибочное искажение, а как смещение смыслового фокуса под воздействием нового окружения. Генетически «песенка» допускает обращенность к Берлину; композиционно она включена в речь лагерного двойника; субъектно возвращается к самой Ахматовой. Частное переживание получает способность выражать трагический опыт исторической эпохи. Меняется не столько

адресат, сколько тот, чьим голосом произносится текст и чью судьбу он способен воплотить.

Две «песенки»: авторская замена и жанр «трагической частушки»

Особый смысл приобретает авторская замена в рукописи сборника «Бег времени», реконструированного Н. И. Крайневой: вместо «За тебя я заплатила чистоганом…» Ахматова помещает другую «Любовную» – «А ведь мы с тобой не любилися…»:

А ведь мы с тобой
Не любилися,
Только всем тогда
Поделилися.
Тебе – белый свет,
Пути вольные,
Тебе зорюшки
Колокольные.
А мне ватничек
И ушаночку.
Не жалей меня,
Каторжаночку.
1956
[Ахматова 2013: 107–108]

Эта замена не разрушает исходную семантическую модель: новый текст оказывается жанрово-стилистическим и смысловым двойником прежнего. Обе «песенки» принадлежат к редкому для Ахматовой регистру «трагической частушки»: их интонационной основой служит частушка-страдание, тогда как на сюжетном уровне ощутима фольклорно-балладная модель любовной расплаты. На эту основу накладывается современный речевой код – лагерно-каторжная, местами почти блатная стилизация.

Смысловая близость текстов обнаруживается в системе ключевых формул. «За тебя я заплатила» соотносится с парадоксальным «мы с тобой не любилися»; десятилетию, прожитому «под наганом», соответствуют «ватничек», «ушаночка» и самоименование «каторжаночка». В обоих случаях любовная коллизия выражена на языке несвободы. Однако если первый текст использует метафору платы – «за тебя», то второй переводит ее в противопоставление «тебе – мне».

При таком сопоставлении авторская замена может быть понята не как отказ от первоначального сюжета, а как его вторичное кодирование. Из нового текста исчезают два наиболее конкретных и потенциально дешифруемых указателя – «ровно десять лет».

Вместе с тем за признанием «Мы с тобой не любилися» следует парадоксальное «Только всем тогда поделилися». Глагол «поделилися» представляет героев как участников единого акта распределения жизненных уделов, результат которого оказывается резко асимметричным: одному достаются свобода и открытое пространство мира, другой – неволя и участь «каторжаночки».

Если учитывать предполагаемую имплицитную адресацию первой «Песенки» Берлину, эта оппозиция получает биографическую мотивировку: Берлин уезжает, Ахматова остается в пространстве советской несвободы. Однако благодаря фольклорно-лагерной стилизации частная коллизия преобразуется в архетипическую модель противоположных судеб: одному – воля, другому – неволя; одному – дорога, другому – расплата.

Соединение частушки-страдания, балладной модели и лагерно-каторжного речевого кода сообщает обеим «песенкам» обобщающую силу. «Наган», «ватничек», «ушаночка», «каторжаночка» сохраняют приметы советского исторического опыта, но сама структура противопоставления «ты – я» приобретает универсальное значение. Жанровые признаки частушки как предельно сжатой лирической формы и возможность трансформации балладной модели в песенной поэзии позволяют уточнить эту характеристику [Пильникова, Осипова 2024; Корепова 2025; Марков, Голубков 2023].

В этом отношении механизм обобщения в «песенках» отличается от осуществленного в «Реквиеме». Там индивидуальное «я» расширяется до коллективного женского «мы», тогда как здесь историко-биографическая коллизия свертывается в анонимную песенную формулу. *Если в «Реквиеме» личное становится коллективным, то в «песенках» – архетипическим.*

Таким образом, авторская замена оказывается одновременно сокрытием и обобщением: биографические координаты становятся менее узнаваемыми, но сохраняются оппозиции «ты – я», свободы и несвободы, воли и расплаты. Жанр «трагической частушки» выступает механизмом преобразования частного переживания в надличную модель исторической судьбы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать связанный с Исайей Берлином комплекс «Поэмы без героя» как единый, хотя и складывавшийся на протяжении многих лет, семантический сюжет. Его единство создается не прямой номинацией персонажа, а системой перекликающихся временных, ритуальных, биографических и текстологических признаков. «Третье и последнее» посвящение оказывается в этой системе не поздним комментарием к уже завершенному произведению, а герменевтическим ключом, который ретроспективно актуализирует гадательную семантику первой главы и позволяет прочитать «Гостя из будущего» как фигуру сбывшегося, но первоначально неверно истолкованного пророчества.

Редакционная история Поэмы обнаруживает особый механизм ее текстогенеза. Реальная встреча 1945–1946 гг. входит в текст, начатый в 1940-м, как событие его будущего; после своего осуществления она возвращается в раннее пространство произведения и преобразует его смысл. В «Третьем и последнем» этот сюжет вновь переводится в будущее время, тогда как в «Песенке» «За тебя я заплатила…» получает грамматику завершенного прошлого. Вариативная датировка стихотворения 1955/1956 гг. приобретает в таком контексте особое значение: 1956 г. совпадает с завершением назван-

ного в тексте десятилетия, новым приездом Берлина в СССР и несостоявшейся встречей с Ахматовой. Совпадение этих хронологических рядов само по себе не доказывает адресации, но в совокупности с другими признаками подкрепляет выдвинутую гипотезу.

Сопоставление «За тебя я заплатила…» с заменившей его в рукописи сборника «Песенкой» «А ведь мы с тобой не любилися…» обнаруживает следующий этап преобразования исходного сюжета. Исчезают наиболее дешифруемые указатели – причинное «за тебя» и хронологическое «ровно десять лет», однако сохраняется структура отношений «ты – я», основанная на противопоставлении свободы одного и несвободы другого. Соединение интонаций частушки-страдания с балладной моделью и лагерно-каторжной речевой стилизацией позволяет определить возникающую жанровую форму как «трагическую частушку». Ее функция состоит не только в сокрытии возможного биографического подтекста, но и в его обобщении: в отличие от «Реквиема», где индивидуальное «я» расширяется до коллективного опыта, здесь личное преобразуется в архетипическое.

Таким образом, фигура Берлина проходит через временной и жанровый ряд произведения, нигде не получая прямого имени. В посвящении она возникает как ошибочно узнанный суженый и вестник исторической катастрофы; в первой части – как живой «Гость из будущего» среди мертвых отражений; в «Песенке» – как предполагаемый имплицитный адресат формулы уже совершившейся расплаты. Однако конечной точкой этого движения становится не биографическая дешифровка сама по себе. Исходный сюжет подвергается новому кодированию и одновременно предельному обобщению: «за тебя» превращается в «тебе – мне», конкретное десятилетие – в каторжную долю, а любовная коллизия – в универсальную модель неравенства жизненных уделов.

Движение от пророчества к «трагической частушке» описывает тем самым один из механизмов ахматовской поэтики: будущее ретроспективно вписывается в прошлое, биография становится текстом, а затем текст освобождается от биографической единичности и получает голос безымянной исторической судьбы.

Источники

Ахматова, А. А. Первый Бег времени. Реконструкция замысла / А. А. Ахматова ; сост., примеч. Н. И. Крайневой. – Санкт-Петербург : Лениздат ; Команда А, 2013. – 320 с.

Ахматова, А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4: Книги стихов / А. Ахматова ; сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Королевой. – Москва : Эллис Лак, 2000. – 704 с.

Ахматова, А. «Я не такой тебя когда-то знала…». Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / А. Ахматова ; изд. подг. Н. И. Крайневой ; под ред. Н. И. Крайневой, О. Д. Филатовой. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Мір», 2009. – 1487 с. – ISBN 978-5-98846-056-5.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой. – Москва ; Torino : Einaudi, 1996. – 849 с.

Литература

Автономова, Н. С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика / Н. С. Автономова // Шаги / Steps. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 357–372. – DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372. – EDN ANEAIN.

Берлин, И. Встречи с русскими писателями. 1945 и 1956 / И. Берлин // Анна Ахматова: pro et contra : антология. Т. 2 / Северо-Западное отделение Российской академии образования, Русский христианский гуманитарный институт, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена ; сост., коммент., послесловие С. А. Коваленко. – Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2005. – С. 476–538.

Кихней, Л. Г. Мотив святочного гадания на зеркале как семантический ключ к «Поэме без героя» Анны Ахматовой / Л. Г. Кихней // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 1996. – № 2. – С. 27–37. – EDN XSGCWD.

Кихней, Л. Г. «Поэма без героя» А. А. Ахматовой: к механизмам создания гипертекста / Л. Г. Кихней // Русская литература. – 2024. – № 3. – С. 174–190. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-174-190. – EDN LLAQQS.

Кихней, Л. Г. Рама текста как семантический код в «антитоталитарных» стихотворениях Анны Ахматовой / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Филология: научные исследования. – 2025. – № 10. – С. 412–422. – DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.72396. – EDN CVJPYO.

Копылов, Л. «И это было так». Анна Ахматова и Исайя Берлин / Л. Копылов, Т. Позднякова, Н. Попова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во «Welcome», 2013. – 160 с.

Корепова, К. Е. Номинация персонажей в частушке / К. Е. Корепова // Традиционная культура. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 11–26. – DOI: 10.26158/TK.2025.26.1.001. – EDN DVJCKE.

Крайнева, Н. И. К творческой истории «Поэмы без Героя» / Н. И. Крайнева // «Я не такой тебя когда-то знала…». Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / изд. подг. Н. И. Крайневой ; под ред. Н. И. Крайневой, О. Д. Филатовой. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Мір», 2009. – С. 13–160.

Крайнева, Н. И. Три сюжета из «почты» А. А. Ахматовой / Н. И. Крайнева // Русская литература. – 2024. – № 3. – С. 152–174. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-152-174. – EDN YJPDOK.

Ламзина, А. В. Образ Дон Жуана в рамочном тексте произведений Серебряного века / А. В. Ламзина // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 48–59. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-48-59. – EDN ENEQNX.

Марков, А. В. Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка» / А. В. Марков, М. М. Голубков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 663–670. – DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670. – EDN RKILFP.

Меньщикова, А. М. «Поэма без героя» в контексте записных книжек Анны Ахматовой / А. М. Меньщикова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19, № 2 (163). – С. 92–101. – DOI: 10.15826/izv2.2017.19.2.026. – EDN ZAUMYD.

Михайлова, Г. П. Семантика и поэтика двух античных диптихов А. А. Ахматовой: Шекспир и Софокл, Шекспир и Гораций / Г. П. Михайлова // Русская литература. – 2024. – № 3. – С. 190–201. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-190-201. – EDN ELBPOQ.

Пахарева, Т. Неоконченное стихотворение Анны Ахматовой «Из завещания Васильки»: Претекст и контекст / Т. Пахарева // Slavica Revalensia. – 2023. – Vol. 10. – P. 194–203. – DOI: 10.22601/sr.2023.10.08. – EDN BNLAES.

Пильникова, А. Ю. Жанр частушки через призму этномузыковедения и филологии / А. Ю. Пильникова, Е. Е. Осипова // Успехи гуманитарных наук. – 2024. – № 11. – С. 75–81. – DOI: 10.58224/2618-7175-2024-11-75-81. – EDN EANFRB.

Тименчик, Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы / Р. Д. Тименчик. – Москва ; Toronto : Водолей, 2005. – 784 с.

Тименчик, Р. Д. О составе и границах научного комментария к поэзии А. А. Ахматовой / Р. Д. Тименчик // Русская литература. – 2022. – № 1. – С. 60–85. – DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-60-85. – EDN WIXQYL.

Тименчик, Р. Д. Персонажи записных книжек А. А. Ахматовой / Р. Д. Тименчик // Русская литература. – 2024. – № 3. – С. 128–151. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-128-151. – EDN IPYFZT.

Чуковская, Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Т. 2: 1952–1962 / Л. Чуковская. – Москва : Время, 2013. – 864 с.

Kikhney, L. G. The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero" / L. G. Kikhney, A. V. Lamzina // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. – 2020. – Vol. 25, no. 4. – P. 639–647. – DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-639-647. – EDN EFBKCH.

Kurasova, A. "Burning Burning Burning Burning": The Fire of The Waste Land in Anna Akhmatova's Poem Without a Hero / A. Kurasova // Revista Canaria de Estudios Ingleses. – 2022. – No. 85. – P. 185–197. – DOI: 10.25145/j.recaesin.2022.85.12. – EDN SONIEM.

References

Avtonomova, N. S. (2024). Fragment perevoda knigi Zherara Zhenetta «Porogi» i vstupitel'naya zametka perevodchika = A fragment of the translation of Gérard Genette's *Seuils* and the translator's introductory note. *Steps*, *10*(4), 357–372. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372. EDN ANEAIN.

Berlin, I. (2005). Vstrechi s russkimi pisatelyami. 1945 i 1956 = Meetings with Russian writers. 1945 and 1956. *Anna Akhmatova: pro et contra (vol. 2)*, 476–538. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Publishing House.

Chukovskaya, L. (2013). Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. T. 2: 1952–1962 = Notes on Anna Akhmatova, in 3 vols. Vol. 2: 1952–1962. Moscow: Vremya Publishing House, 864 p.

Kikhney, L. G. (1996). Motiv svyatochnogo gadaniya na zerkale kak semanticheskiy klyuch k «Poeme bez geroya» Anny Akhmatovoy = The motif of Yuletide mirror divination as a semantic key to Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero*. *Moscow University Philology Bulletin. Series 9: Philology*, *2*, 27–37. EDN XSGCWD.

Kikhney, L. G. (2024). «Poema bez geroya» A. A. Akhmatovoy: k mekhanizmam sozdaniya giperteksta = *Poem without a hero* by A. A. Akhmatova: Towards the mechanisms of hypertext creation. *Russian Literature*, *3*, 174–190. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-174-190. EDN LLAQQS.

Kikhney, L. G., Lamzina, A. V. (2025). Rama teksta kak semanticheskiy kod v «antitotalitarnykh» stikhotvoreniyakh Anny Akhmatovoy = The text frame as a semantic code in Anna Akhmatova's "anti-totalitarian" poems. *Philology: Scientific Research*, *10*, 412–422. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.72396. EDN CVJPYO.

Kikhney, L. G., Lamzina, A. V. (2020). The English trace in the heading-final complex of Anna Akhmatova's "Poem without a Hero". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, *25*(4), 639–647. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-639-647. EDN EFBKCH.

Kopylov, L., Pozdnyakova, T., Popova, N. (2013). «I eto bylo tak». Anna Akhmatova i Isayya Berlin = "And it was so". Anna Akhmatova and Isaiah Berlin. 2nd edition. Saint Petersburg: Welcome Publishing House, 160 p.

Korepova, K. E. (2025). Nominatsiya personazhey v chastushke = Naming characters in the chastushka. *Traditional Culture*, *26*(1), 11–26. DOI: 10.26158/TK.2025.26.1.001. EDN DVJCKE.

Kraineva, N. I. (2009). K tvorcheskoy istorii «Poemy bez Geroya» = On the creative history of *Poem Without a Hero*. *"I once knew you differently…". Anna Akhmatova. Poem Without a Hero. Prose on the Poem. Drafts of the ballet libretto. Materials for the creative history*, 13–160. Saint Petersburg: Mir Publishing House.

Kraineva, N. I. (2024). Tri syuzheta iz «pochty» A. A. Akhmatovoy = Three story lines from A. A. Akhmatova's correspondence. *Russian Literature*, *3*, 152–174. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-152-174. EDN YJPDOK.

Kurasova, A. (2022). "Burning Burning Burning Burning": The Fire of The Waste Land in Anna Akhmatova's Poem Without a Hero. *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, *85*, 185–197. DOI: 10.25145/j.recaesin.2022.85.12. EDN SONIEM.

Lamzina, A. V. (2025). Obraz Don Zhuana v ramochnom tekste proizvedeniy Serebryanogo veka = The image of Don Juan in the poetic frame text of the Silver age. *Philological Class*, *30*(4), 48–59. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-4-48-59. EDN ENEQNX.

Markov, A. V., Golubkov, M. M. (2023). Zhanr ballady i ego transformatsiya v pesne A. Galicha «Koroleva materika» = The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, *28*(4), 663–670. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670. EDN RKILFP.

Menshchikova, A. M. (2017). «Poema bez geroya» v kontekste zapisnykh knizhek Anny Akhmatovoy = *Poem Without a Hero* in the context of Anna Akhmatova's notebooks. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, *19*, *2*(163), 92–101. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.2.026. EDN ZAUMYD.

Mikhailova, G. P. (2024). Semantika i poetika dvukh antichnykh diptikhov A. A. Akhmatovoy: Shekspir i Sofokl, Shekspir i Goratsiy = Semantics and poetics of two antiquity diptychs by A. A. Akhmatova: Shakespeare and Sophocles, Shakespeare and Horace. *Russian Literature*, *3*, 190–201. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-190-201. EDN ELBPOQ.

Pakhareva, T. (2023). Neokonchennoe stikhotvorenie Anny Akhmatovoy «Iz zaveshchaniya Vasil'ki»: Pretekst i kontekst = Anna Akhmatova's unfinished poem "Iz zaveshchaniia Vasil'ki": Pretext and context. *Slavica Revalensia*, *10*, 194–203. DOI: 10.22601/sr.2023.10.08. EDN BNLAES.

Pilnikova, A. Yu., Osipova, E. E. (2024). Zhanr chastushki cherez prizmu etnomuzykovedeniya i filologii = The genre of the chastushka through the prism of ethnomusicology and philology. *Modern Humanities Success*, *11*, 75–81. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-11-75-81. EDN EANFRB.

Timenchik, R. D. (2005). Anna Akhmatova v 1960-e gody = Anna Akhmatova in the 1960s. Moscow; Toronto: Vodoley Publishing House, 784 p.

Timenchik, R. D. (2022). O sostave i granitsakh nauchnogo kommentariya k poezii A. A. Akhmatovoy = On the composition and boundaries of the academic commentary to the poetry by A. A. Akhmatova. *Russian Literature*, *1*, 60–85. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-60-85. EDN WIXQYL.

Timenchik, R. D. (2024). Personazhi zapisnykh knizhek A. A. Akhmatovoy = A. A. Akhmatova's notebooks: The characters. *Russian Literature*, *3*, 128–151. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-128-151. EDN IPYFZT.

Данные об авторе

Кихней Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Международного института журналистики, телевидения и медиакоммуникаций, Московский университет имени А. С. Грибоедова, Российская Федерация, г. Москва, lgkihney@yandex.ru

Author's information

Kikhney Lyubov Gennadievna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of History of Journalism and Literature, International Institute of Journalism, Television and Media Communications, A. S. Griboedov Moscow University, Russian Federation, Moscow

Дата поступления: 03.09.2026; дата публикации: 31.10.2026

Date of receipt: 03.09.2026; date of publication: 31.10.2026